

АЗБУКА СТЕФАНА ЕПИСКОПА ВЕЛИКОПЕРМСКОГО И ЭПОХА ВТОРОГО ЮЖНО-СЛАВЯНСКОГО ВЛИЯНИЯ В МОСКОВСКОЙ РУСИ

Андрей ВЛАСОВ (Россия)

Осознание русской церковью своей миссионерской роли в эпоху второго южнославянского влияния реально и зримо воплотилось в распространении христианства среди языческих народов, в борьбе за свою автономию от цариградских патриархов и в провозглашении после падения Константинополя (1452 г.) себя наследницей и оплотом восточного православия. Крещение Пермской земли в этой духовной борьбе явилось важной вехой на пути формирования идеологии русской церкви.

Деяния Стефана Пермского, его учительская миссия в Перми Великой приобретают особую значимость: вслед за победой на Куликовом поле была создана новая епархия (1381 г.) на границе между христианским и языческим мирами в северо-восточном пределе государства, там, откуда могла возникнуть вновь угроза от врага (в том числе и татар). В таком историческом контексте пермская миссия Стефана напоминала деяние и время учителей Кирилла и Мефодия.

Рассказ о просветительском подвиге Стефана в сочинении Елифания, естественно, является идейным ядром житийного повествования. Причем литературными образцами для него в этом отношении служат Жития Кирилла-Константина и Мефодия, Сказание Черноризца Храбра „О письменах“.

Сама историческая обстановка и действия миссионера напоминали деяния и время первых христианских учителей. Необходимо отметить, что возникновение древнепермской письменности происходило в период „второго южно-славянского влияния“, поэтому сам вопрос о ее создании получает как бы выразительный языковой контекст, что способствовало обостренному вниманию со стороны древнерусских книжников к языковой политике того времени¹. Стефан в своей практике алфавитотворчества ориентировался на кирилло-мефодиевскую направленность в решении вопроса трансляции христианского учения среди иноязычно-

го населения². Изучение им древнегреческого языка в Ростовском монастыре Григория Богослова („Братском затворе“) ясно показывает, что для русского миссионера было важно установить преемственность своего дела от греческой и славяно-русской православной традиции. Епифаниевский текст „О азбуке пермской“ из Жития Стефана представляет собой развернутое в стиле „плетения словес“ похвальное слово святому, создателю новой письменности. Заимствуя у Черноризца Храбра, главному образом, те места, где подробно рассказывается о самом факте сложения алфавитов, автор Жития исключил полемическую направленность древнеболгарского памятника³ и своеобразно „обыграл“ факт создания азбуки Стефаном как продолжение просветительской миссии Кирилла и Мефодия среди языческого народа („Не токмо бо святым крещением просвети, а но и грамоте сподоби я и книжный разум дарова им и писание предасть им, еже новую грамоту сложи, еже незнаемую азбуку пермскую съчини, и теми писменными словесы книги мнози написав, предасть им, его же дотоле век свой не стяжа“)⁴. Прославляя просветительский подвиг Стефана, Епифаний придает его труду провиденциальный характер: „Бог, не оставляя рода человека без разума“, „пощажде и помилова люди Пермскаго языка“, послал к ним „мужа добра и благоговейна“ Стефана. В характерной для стиля Жития риторической стихии заимствованные фрагменты текста „О письменах“ теряют первоначальную идейную направленность и выступают в качестве аргументов, с помощью которых автор доказывает несравненность подвига святого („Коль много лет мнози философи еллинистии собирали и составляли грамоту греческую, и едва оставили мноземи труды, и многими времени едва сложили: а пермскую грамоту един чернец сложил, един составил, един счинил, един калугер, един мних, един инок, мнимии епископ, един в едино время, а не во многа времена и лета, якоже и они, но един инок, един во единеньи уединися, един, уединенный, един единаго Бога на помощь призываа...“)⁵.

Полемическая направленность Сказания „О письменах“ в вопросе о праве существования славянского книжного языка наряду с еврейским, греческим и латинским в эпоху Епифания премудрого теряет свою остроту. Поэтому данный фрагмент текста даже опускается в главе „О азбуке пермской“⁶. Полемичность главы „О азбуке пермской“ заключается в иной постановке вопроса – о целесообразности изобретения Стефана. Вопрос этот Епифаний формулирует таким образом: „Неции же, скуднии суще умом, рече: Почто ли сътворени суть книги пермския, или что ради составлена бысть азбука Пермския грамоты? И прежде бо сего издавна в Перми не было грамоты, по шлина суци такова, не имущим им издавна у себе грамоты, и тако и жившим им век свои без нея, ныня же в скончании лет, в по следняя дни на исход числа седмыа тасящи, паче же

мала ради времени, точию за 120 лет до скончания веку, грамота замышляти. Аще ли и се тебе есть, достояше паче Рускаа, готова суци грамота, юже предати им и научи я, суть бо писмена книжная, их же издавна по пошлине имуще языцы у себе, якоже се жидовски, елински, римски...⁴⁷.

Без сомнения, этот вопрос не остался без внимания русских книжников и особенно остро обсуждался в церковных кругах в связи с возникновением стефановской азбуки. Косвенно об этом свидетельствует дошедший до нас в переработанном виде список Сказания „О письменах“ (Син. 6) в составе Сборника XIV–XV вв., содержащем кроме того известный памятник древнерусского права „Митрополичье Правосудье“⁴⁸. Список попал в поле зрения болгарской исследовательницы произведений Черноризца Храбра А. Джамбелука-Косовой. В результате сравнительного текстологического анализа она пришла к выводу, что список (Син. 6) является осознанной переработкой русским книжником болгарского памятника, сам же отредактированный текст возник в связи с учебными нуждами⁹. Интересен этот список, прежде всего, тем, что в нем содержатся уже некоторые сведения об азбуке Стефана („Преже всех грамот жидовская, а потом елинская снята с тое же, а потом римская и друзии потом грамоты, а по мнозех летех грамота русская снята с греческия грамоты. Жидовские грамоты 1-е с аз, ино алфа. А греческия грамоты пръвое с алфа, 2 русския грамоты пръвое с аз, б, в, г, д. А пермские грамоты пръвое с боур, гаи, дои“¹⁰.

Этот текст возник на рубеже XIV–XV вв. одновременно с „Правосудьем Митрополичьим“, т. е. после Двинской грамоты (1397 г.), и входил в общий комплекс письменных памятников, связанных с образованием Пермской епархии. Текст списка (Син. 6) занимает промежуточное положение между древнеболгарским Сказанием „О письменах“ и главой „О пермской азбуке“ из Жития Стефана. В нем еще сохранен как исторический анахронизм полемический пассаж о священстве трех языков и о равенстве с ними других языков. Для Епифания же, как мы видим, это уже было мало актуально, т. к. обращается он к этой теме совсем по другому поводу в связи с вопросом о необходимости новой письменности в последние времена.

Возможно, такая постановка вопроса, как ее воспроизводит в житии автор, и проясняет дальнейшую судьбу древнепермской письменности. Действительно, оппоненты Стефана выражают сомнение в необходимости распространения новосоставленной азбуки, т. к. введение ее в обход бессмысленно ввиду приближающегося конца света (1492 г.) и не лучше ли просветить языческий народ на основе русских книг.

Можно предполагать, что в послестефановский период христианизации Перми эта точка зрения нашла больше сторонников, и как таково-

го развития письменного языка у пермян не последовало. По крайней мере, о таком положении древнепермского письменного языка свидетельствует то, что сохранившиеся рукописи с начертанием пермских знаков и отдельные фрагменты текста на пермском языке датируются преимущественно только временем рубежа XIV–XV вв.¹¹

Таким образом, созданный Стефаном алфавит и, возможно, переведенные им некоторые образцы богослужебных и священных текстов противоречили дальнейшему ходу языковой политики Русского государства: в едином государстве должен быть и единый государственный язык. Другой причиной забвения стефановского алфавита могла быть и внутренняя языковая ситуация на территории Перми (вспомним перечисление народов в Житии). Созданная на основе одного из диалектов пермского языка финно-угорских народов, расселенных в бассейне р. Вычегды, письменность не отражала всего многообразия этнолингвистических особенностей новопросвещенных племен и, очевидно, не имела желаемого быстрого распространения¹².

В Житии Епифаний отстаивает правоту дела Стефана при помощи тех же аргументов, которые приводятся в Сказании „О письменах“ Черноризца Храбра. Он обращается к истории возникновения письменности и азбук. Однако, если автор Сказания старается отстоять статус славянской письменности как равной трем другим священным языкам, то для Епифания создание пермской письменности является воплощением гуманистической идеи просвещения народов, равных перед Богом. Поэтому он вкрапляет в заимствованный из текста „О письменах“ фрагмент о разделении между народами ремесел цитату из Бытия: „... ею же грамотою и Моисей потом писаше о бытии всего мира бытийска книги, в них же писано, яко Бог сътворил небо и землю и вся яже на нею, и человека и прочее все по ряду...“¹³.

Надо признать, что гуманистический пафос произведения Епифания был рожден временем конца XIV – начала XV вв., периодом, в который древнерусская культура находилась на подъеме. Одной из характерных черт ее была попытка осмыслить Древнюю Русь в контексте мировой культуры и ощутить себя наследницей и хранительницей ценностей православного мира. Русская культура впервые приняла и попыталась осознать свои миссионерские задачи. На этой почве зарождается гуманизм Епифания и его пафос при описании просветительской деятельности Стефана, в нем содержится прославление человека („собседника своего“), совершающего подвиг миссионера среди языческих народов.

Весьма важным моментом, ориентирующим читателя Жития на историческую достоверность происходящего, следует воспринимать описание Епифанием земли под летописным названием Пермь и народов,

населяющих ее („Должно же есть взискovati, и распытывати, и известно уведати о Пермьской земле, где есть, и в киих местех отстоит, и промеж киими пределы поведается, и котории ю, съживущии в суседах около ея...“)¹⁴. Тем самым, как бы присоединяя эту порубежную территорию к орбите православного мира и констатируя акт выполнения самой миссии.

Житие Стефана Пермского является живым откликом на иницируемую русской церковью миссию и в этом случае выполняет функцию, канонически закрепленную в Правилах Вселенских соборов¹⁵. Епифаний же согласно этим правилам пишет в начале своего труда: „Иже преподобных мужей житие добро есть слышати или преписати памяти ради, обаче от сего приносить успех не худ и ползу немалу послушателем и сказателем сведующим известно. Видение бо есть вернейш и слышания уверити же многажды и слух слышащих, аще вьстинну будут глаголемая. Аще ли не написана будет памяти ради, то изидет ис памяти и в преходящая лета и преминующем родом удобь сия забвена будут. Да аще бес писания забываема бывают, то не полезно есть еже в забыть положити житие его и аки глубине молчанию предати толику ползу“¹⁶.

БЕЛЕЖКИ

¹ Лихачев, Д. С. Развитие русской литературы X–XVII вв. Эпохи и стили. Л., 1973, с. 83. („XIV век отмечен возрождением письменности и литературы в ряде славянских стран. Литературный подъем намечается не только в Византии, но и в Сербии, и в Болгарии, и на Руси. В России одно из первых произведений этого нового литературного течения посвящено великому организатору Куликовской победы – Дмитрию Донскому. Оно отчетливо сказывается в житиях Стефана Пермского и Сергия Радонежского, составленных замечательным писателем конца XIV – начала XV в. Епифанием Премудрым.)

² Р. Пикио, обращаясь к анализу известного памятника древнеславянской письменности „О письменах“ Черноризца Храбра, подчеркивает наличие двух тенденций в миссионерско-языковой политике Византии. Кроме того, он считает, что создание новой языковой общности укрепило саму мессианскую идею, исходившую от первых славянских апостолов и выразившуюся впоследствии в политический лозунг „Москва – Третий Рим“. См.: Пикио, Р. Православного славянство и старобългарската културна традиция. С., 1993, с. 300.

³ Куев, К. Черноризец Храбр. С., 1964.

⁴ Святитель Стефан Пермский (Под ред. Г. М. Прохорова СПб., 1995, с. 178–180).

⁵ Там же, с. 184.

⁶ Фрагмент этот следующий: „А друзии мнят яко Бог сам есть створил письмена и не ведят ся что глаголющи окаянии. И яко трими языки есть Бог повелел книгам быти, якоже и в евангелии пишет: И бе дьска написана жидовьскы и римьскы и эллиньскы, а словеньскы несть тоу. Тем же не суть словеньскы у книги от Бога. Къ тем что глаголем? Или что речем к тацем безумным? Обаче рече от святых

книг якоже научихомся, яко все по ряду бывать от Бога, а не иногда...". —
Черноризец Храбр. О писменехъ. София. 1980, с. 78—79.

⁷ Святитель Стефан Пермский, с. 182.

⁸ Тихомиров, М. Н. Правосудье Митрополичье. // Археографический ежегодник за 1963 г. М., 1964, с. 44.

⁹ Черноризец Храбръ. О писменехъ. С., 1980, с. 78—79.

¹⁰ Там же, с. 34.

¹¹ Некрасов, И. С. Пермские письма в рукописях XV века. Одесса, 1890.

¹² Так, В. И. Лыткин отмечает различия диалектов коми языка, особенности которых невозможно отразить на письме. См.: Лыткин, В. И. Древнепермский язык. С., 19—22.

¹³ Святитель Стефан Пермский, с. 182.

¹⁴ Там же, с. 74.

¹⁵ Святой Василий Великий от послания, еже ко Амфилохию епископу Иконийскому, и к Диодору. Правило 91. Гл. 29.

¹⁶ Святитель Стефан Пермский, с. 50.